

В зимнем городе...

В зимнем городе снег
разделил нас на чёрных и белых,
на пушистых и голых,
немых и восторженно-смелых,
на гриппозно-морозных,
на лыжно-коньковых и квёлых,
спиртуозно-весёлых
и так—беспричинно весёлых,
беззаботно скользящих,
смеющихся, плачущих, спящих,
барабанно-стучащих,
хрустящих,
зубами скрипящих,
тех, кто падает,
мёрзнет,
взлетает, и вьётся,
и бьётся...
«Огонька не найдётся?..»
Конечно, найдётся. Найдётся.

Волей-неволей

Волей-неволей (неволей—чаще)
я выбираюсь в лесные чащи...
О кислород, хлорофилл, дендрарий!
Время танцует без наших арий,
фурий, горгулий, химер и пифий,
жёлобу—шар, а бумаге—грифель.
Время поёт и без наших жалоб.
Что бы в безвременье с нами стало б?

Что же, пройдемся по мокрым тропам,
судьбы вверая стопам и стопам,
не отмечая ни страж, ни метра,
не замечая бревна и ветра,
не замечая того, что бренно,
это—напев, и припев, и рефрен, но...

Уподобляясь прыгучей лани
время от времени, длань от длани
не отличая и не ревнуя—
в чащу лесную, в чащу лесную,
в рощу и бор, в зелена, в малину...
Наши леса не стреляют в спину,
в наших окопах и порох слаще...
Волей-неволей.
Неволей—чаще.

Тётки

Тётки идут строем, поют хором, сверлят буром;
тётки: коровам—сено, печи—полено, зерно—курам;
тётки—борщи и шмотки, чума и дрязги в осиных сотах,
тётки в делах-заботах, в плащах и шляпах, в чулках и ботах.

Утром—платки-базары, корзины, куры и сами дуры,
вечером—тары-бары из мелкой тары и шуры-муры;
дыбом и хна, и басма, воскликнут страстно: «Сармат мой, скиф мой!»
После—об стол оболон, глаголом голым и рифмой, рифмой!

Жизненное

*«Все мы вышли из гоголевской „Шинели“,—
справедливо говорят русские писатели...
Мелькиор де Вогюэ*

Я выкашливал зимы, как кошка шерсть,
я топил сомненья в весенних лужах,
я носился вихрем, футболил жесть,
становился выше и как бы лучше.
Я ночами слушал, как шкаф вздыхал,
со своими скелетами вечно в соре,
я вынашивал план, и летал подвал,
и чердак, и живопись на заборе.

Присобачен, приклеен, прибит гвоздём,
прислуживлен к лику своей эпохи,
я шуршал печальным календарём—
отрывным, худеющим на издохе.
Просыпаясь, я знал: есть одна стена,
за которой другая. Я был живучим.
Засыпая, я думал, что новизна—
это то, что пугает, а пуще—учит.

Мне на шею кидался цепной кобель,
я не сразу заметил, что веку крышка,
я купил пальто, (не сказать—шинель),
обернулся и понял, что жизнь—пальтишко.

Много позже,
в прихожей снимая жизнь,
становясь горбатым,
я шёл к дивану,
а когда, надевая её,
выходил—
становился выше
и как бы
лучше.

Улыбайся

То не блудный сын воротится бумерангом,
не Угрюм-река утечёт, обернувшись Гангом,
не роман сторит во сто глав и с одной ремаркой,
то—дворец-ларец и плац с триумфальной аркой.
Не гранит, не мрамор—всего лишь молдинг,
за окном—консалтинг, за дверью—холдинг,
за рекой малина. Мои три сына
не дают мне повод, но есть причина
проявлять извечную человечность—
пирожковость, водковость, чебуречность.
Заходи, прохожий, но будешь букой—
мы сгрызём тебя между сном и скукой.

То не утлый чёлн влеком по волнам плебейства,
не колючий тёрн, но—поэт и глава семейства,
то—пророк диванный, философ толчка и ванной,
мониторной моторной жизни, сиречь—экранной;
без руля и ветрил, под парами, укрыт ветрами,
он не здесь, не с нами, он мысленно за горами,
в башмаке дыра. «Вселенная, разверзайся!»

Улыбайся, Господи, улыбайся...

Москва

Москва! как много и так мало,
как далеко и нелегко
от Павелецкого вокзала
до искромётного Клико.

Мой Пушкин выглядит не старым—
позеленевшим от тоски,
недаром дышат перегаром
в кафешках плюшки и стишки.

Чаепитие в сторонке,
машинопись мышинокак,
небарабанной перепонке
по барабану, что и как.

Изображая, искажая
своим фасеточным глазком,
лечу, кружа, я, и жужжа, я,
не сожалея ни о ком.

Из всех шальных штрихописаний
левописание любя,
я извлекаю пиросманий
для внутривенного себя.

Рассвет булавками заколот,
но совершенно ни при чём
тот, кто идёт в жару и холод
воздушно-капельным путём.

От Александровского сада
до трегьесортной суеты—
моя любезная отрада
кровоаво-красной красоты!

Предчувствие зимы

Зубровка, осень, лёгкая рука;
Сползая в холод, думаешь о печке,
Туманным утром думаешь о печке
И о тепле живого огонька.
Когда-то мысль летела в небеса,
Но, отражаясь от небесной тверди,
Не возвращалась мыслию о смерти,
А воплощалась в виде колеса,
Коловорота, лазера, резца—
Всего, что славит чудо этой тверди.
Гранит и мрамор, золото и медь...
А мне милее глина и водица;
И если сможем что-нибудь успеть,
Так это обозреть родные лица,
Напиться горечи и радости напиться
Иль что-нибудь о вечности пропеть.
Вдохнуть ещё хоть несколько минут
Спокойствия, блаженства и отрады,
Певца запечного звенящие рулады
Услышав, упоительно вздремнуть.
Трещат поленья, пахнет чабрецом,
Стучит калитка выбитым кольцом...

...А ночью выпал снег.

Ладошки, варежки...

Ладошки, варежки... Чтоб не сойти с ума,
Смотрю в окно и думаю: «Зима».
Смотрю в окно: девчонка лет пяти,
Ладошки, варежки... Постой, не уходи!..
Бегу по лестнице, бегу куда-то вдаль,
Бегу по снегу...

...Кончился февраль...

Угорода и времени свои
Сквозные проявления любви.
Изношена история до дыр—
Империя, мистерия
И др.
Многосерийна, многослойна и
Многоголоса, чёрт её дери!

И знаешь, птица: если Брем не врёт,
Неволя память отшибает влёт.

Пусть город спит. И даже пусть не спит—
Пускай замками ржавыми скрипит,
Пускай тоскует, жмурится, и ждёт,
И никогда меня не узнаёт,
Кряхтит, и кашляет, и шинами шуршит,
И ворошит былое, ворошит,
Где каждый дом одушевлён и нем,
Где в каждом доме тысячи проблем...

А кто-то утром станет у окна,
Посмотрит и подумает: «Весна».